

*...Я старалась служить переводу, я упивалась переводом. Мне хотелось,
чтобы дивная речь другого народа звучала на моем языке, чтобы она была
упоительной.*

Белла Ахмадулина

Ованес Туманян

«Бессонница моя — твои владенья...»

*Бессонница моя — твои владенья,
И ты — не сновиденье, но виденье,
Отчетливое, зримое, как свет.
Ты так прекрасна. Но тебя здесь нет.
Как, поступаясь отсутствием своим,
Проходишь ты по комнатам пустым
И близишься, открывши мне объятия,
Но руку протяну — и ты обратно
Уходишь в непроглядность темноты?
Не приходила, но уходишь ты.
Как удастся смеху твоему
Звучать в тобой покинутом доме?
И всё лепечешь детскими губами
Ту песенку, что позабыта нами,
И вновь уходишь в тайну темноты.
Не пела вовсе, но умолкла ты.
Бессонница моя — твои владенья,
И ты — не сновиденье, но виденье,
Отчетливое, зримое, как свет.
Ты так прекрасна. Но тебя здесь нет.*

«Никто в ночи не ведает — каков...»

*Никто в ночи не ведает — каков
Тот труд незримый, что творит природа.
Но вот луга. И в темноте лугов
Роса сверкает при свечах восхода.
Никто не знает степени тоски,
В которую вознесся ум поэта.
Но вот строка. И в темноте строки
Его печаль имеет зримость света.*

1892

«Не проси меня петь. Я немого немей...»

*Не проси меня петь. Я немого немей.
Я печаль мою пением не обнаружу.
Мне б достало ползвук печали моей,
Чтоб вконец погубить твою бедную душу.
Не по силам тебе эту муку терпеть.
Пощади хоть себя! Не проси меня петь!
Как я пел на горе, средь живой красоты,
Что меня к своим нежным цветам допустила!
Там пустыня теперь. Там убиты цветы.
Ни травинки там нет. Там простерлась пустыня.
На горе, опаленной дыханьем моим,
Не воскреснуть цветам и растениям иным.
Разве я не надеялся, что разорю
И тебе раздарю всю красу и прохладу:
Золотую, во мгле разлитую зарю
И весну, благосклонную к чистому саду?
Но уму моему не дано превозмочь
Силу пенья, в котором лишь горе и ночь.*

1892

РОМАНС

*Лились и означали грусть
Ручьи тех глаз, тех уст напевы,
Те слезы, нависшие на грудь
Прекрасной и печальной девы.
Терпели губы тяжкий зной,
Труд голоса душа творила,
И, смело плача предо мной,
Она со мною говорила.
Мне речь ее была нова,
И я был очарован ею.
Ее последние слова
Я повторяю как умею:
«Ах, не могу я слёз не лить.
Судьбы моей ничтожна малость.
И лишь любовь... о, лишь... о, лишь...»
И снова плакать принималась.*

1892

ИЗГНАННИК Я, СЕСТРИЦА

*Изгнанник я, сестрица, — с детских дней,
Влекомый нетерпеньем и незнаньем,
Бреду в страну неведомых теней, —
Один, изгнанник.
Былые дни и нынешние дни
Мучительно влеку
я за собою.
Утомлены ходьбой мои ступни
И сердце — болью.
Я направляюсь в сторону беды,*

*Чтобы очнуться, с горьким изумленьем, —
Вдали родной земли, родной воды, —
Больным оленем.*

*Ты говоришь, что счастлив я вполне,
Но не умею этого заметить,
Что мне пора забыть о той стране
И бег замедлить.*

*Дитя мое! Тому свидетель Бог:
Не так я подл, чтоб средь рабов растленных
Вполне счастливым пребывать я мог
В тюремных стенах.*

*Утешиться меж прочими людьми —
Я не имел ни помысла, ни средства.
Свободное от веры и любви,
Пустует сердце.*

*Так, раненый беглец, бегу в туман,
В грядущее, в угрюмую пустыню.
Я все покинул здесь. Неужто там
Тебя покину?*

1902

«Сестра моя, иди своей дорогой...»

*Сестра моя, иди своей дорогой,
И пусть она окажется светла.
Не улыбайся! Рук моих не трогай!
Нет, я не друг тебе, моя сестра.
Отвергнув путь, покои веков известный,
Тоской неодолимою дыша,
Взмывая в небо, опускаясь в бездны —
Скитается, безумствуя, душа.*

*Нет рук таких и нет таких объятий,
Чтоб удержать ее, остановив —
Она не примет кроткой благодати,
Умчась туда, куда влечет порыв.
Быть может, в мире нет ее безвинней,
Но сколько душ она сведет на нет,
Пред тем, как в темной и глухой пустыне
Она погасит свой опасный свет...
Покуда не померкли и прекрасны
Черты твои, покуда грусть остра, —
О том, чтоб разминулись мы в пространстве,
Молись, сестра! Молись, моя сестра!*

1902

НАШ ОБЕТ

*Мы дали обет, и верны мы обету,
Нас тьма окружает и беды нас бьют,
Но дорог нам свет, и пробьемся мы к свету,
Пусть душные тучи дышать не дают!
Огнем и мечом и потоками крови
Судьба нас пугала, глядела черно, —
Ни славы у нас, ни покоя, ни кровли,
Но, чистое, светится наше чело.
Изодрано в клочья священное знамя,
Родная страна, как чуждая страна,
Сурово глядит, как идем мы, не зная,
Какая нам завтра беда суждена.
Пусть рок не допустит увидеть победу
И в сумраке грозном ни проблеска нет —
Мы дали обет, и верны мы обету,*

ЭКСПРОМТ

Святые отцы мои и господа!
Я с Музой расстался — совсем, навсегда.
Неужто и впрямь сочетал я легко
Два слова, когда их друг к другу влекло?
Вы думали прежде, что Муза и я —
Две грани в любви одного острия?
Но нет! Между нами зияет вражда,
Святые отцы мои и господа.
В разгуле политики и темноты
Стою — с непреклонным лицом тамады.
Но — Боже! — во мгле моего кутежа
Вдруг память восходит, остра и свежа,
И горестно я озираю края,
Где странствует Муза и мука моя.
В армянских горах, где чисты родники,
Она углубила их плачем тоски,
И в кровопролитье опасного дня
Нельзя ей забыть иль увидеть меня.
Но, если, отринув обман и дурман,
Очнутся свободные души армян,
И там, где бесчинствует мертвенный чад
Воспрянет снегов и цветов аромат,
И добрые люди, собравшись толпой,
Воскликнут: «Безумец! Не медли и пой!» —
Воскреснет мой голос и нежен, и скор,
И сладок губам будет этот экспромт.

«Явился из снегов, издалека...»

В. Я. Брюсову

*Явился из снегов, издалека,
Призвал к величью духа и любви,
И стала так чиста и глубока
Надежда, овладевшая людьми.
Средь скорби, увлажняющей глаза,
Да будут наши помыслы чисты
И страны согласуют голоса
Под общим небосводом доброты.
Пусть крепнут в сердце милость и добро.
Совнав в пространстве и пронав вдали,
Пусть люди помнят, что лишь им дано
Явить собою нравственность земли.
Уж если нам соперничать в борьбе,
То лишь в одной: кто более других
Выгадывает выгоду себе,
Безмерно полюбив и одарив.
И прав поэт, что предсказал нам бег
Времён — в пресветлый и желанный век,
Где человека любит человек,
Где с человеком счастлив человек.*

1916

МОЯ ПЕСНЯ

*Сокрыт в душе бесценный клад
Любви моей — он щедр и светел.
Эй, джан^[165], безмерно я богат.
Как совладать с богатством этим!
О дарованье, ты — не дар,*

*Что выгадаешь и зароешь.
Ты — разоренье, ты — угар,
Ты — расточение сокровищ.
Что делать? Мне неведом страх
Пред вором, злом и крайним крахом.
Но мысль — утратить дар утрат —
Меня терзает темным страхом.
Я так рожден! Я так богат!
Я всё дарю! Я всем прощаю!
И всё же — людям и богам
Лишь их подарок возвращаю.*

1918

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД СИРИУСА

*Что, Сириус, в пути от мглы до мглы
В уме ты держишь?
Для чего минуешь
Окружности вселенной и углы? —
Так спрашивают бедные умы
Земных существ.
Зачем ты их волнуешь?
Что, Сириус, ужель тебе легко
Могущество всевечного движенья?
И не чрезмерно ль то, что велико?
Твоим лучам я отдаю лицо,
И мой зрачок испытывает жженье.
Ты умеряешь свой безмерный свет,
Не потому ли происходит это,
Что в небо смотрит каждый человек
И столько зрений, обращенных вверх,*

*Всё ж расхищают изобилие света?
А сколько глаз ты знаешь!
Сколько раз
Тебе внимали пристальные очи!
Но взор одних — уже давно угас,
Другим — смотреть еще не пробил час:
Их взор еще во тьме нездешней ночи.
Кто первым увидал твой свет живой?
Кем ты с земли впервые был замечен?
Кто — с запрокинутою головой —
Возьмет себе последний пламень твой,
И — всё уже, и — любоваться нечем?..
Так в добрый путь, пресветлый чародей!
Но, приближаясь к средоточью смерти,
Поведай ей вопрос тоски моей:
Как много взоров и судеб людей
В твоём одном, в твоём прощальном свете?*

1922

ПАРВАНА

Баллада

1

*Высок Джавах^[167], но выше, чем Джавах,
Две царственных горы — Абул и Мтин,
Сокрывшие в снегах и облаках
Нездешний мир, что ведом только им.
Я говорю, как говорили встарь:
Лазурь небес была светлым-светла
И в белом замке жил парванский царь —
Орлу подобный, но добрей орла.*

*Глуп тот охотник, что затеет спор:
Когда взойдет или зайдет заря,
Прекрасны лани этих гордых гор,
Но всё ж не так, как дочь того царя.
Известно мне, что ни в одном саду
Садовник так не пестует цветок,
Как, добрую благословив судьбу,
Парванский царь свое дитя берёт.
Он счастлив был, но счастье — впереди.
Гонцы разносят весть во все края:
— Счастливец! О, приди и победи!
Горяч твой конь! Тверда рука твоя!
— Где, — молвит царь, — в какой земле, в каком
Дому иль замке сыщешь удальца,
Достойного красою и умом
Пресветлого царевнина лица?*

2

*Блеск доспехов! Звон подков!
Все вы здесь, но сколько вас —
Безрассудных храбрецов,
Потрясающих оружием,
В ком явил и обнаружил
Всю красу свою Кавказ!
То ль война, то ли игра
Возле царского крыльца!
Но когда придет пора
Состязанию? И кто же,
Кто возьмет себе — о, Боже! —
Свет царевнина лица?
Труба запела. Чередой*

*Ступают важно царедворцы,
И, обмерев, взирают горцы,
Как с нежной девой царь седой
Выходит — мрачный и могучий.
Смотрите! Рядом с темной тучей
Сияет месяц молодой.
Царевна, светел лик твой лунный!
Мечтам предался воин юный,
Склонив колена пред тобой.
— Взгляни, моя дочь, как сильны и стройны
Достойные княжичи этой страны!
Яви твою волю и милость твою —
Позволь состязаться им в честном бою.
Вели им тебе и народу открыть
Сокрытую в сердце отвагу и прыть.
Увидишь на склоне блаженного дня,
Кому покоряется гордость коня —
Не так, как другим, и живей, чем к другим,
Льнет солнце к доспехам его дорогим.
Когда состязанью наступит конец,
Скажи храбрецу: «Ты — храбрейший храбрец.
Вот яблоко, и означает оно,
Что ты — повелитель мой. Так суждено.
Завидует мир торжеству моему,
Но слава прекрасному миру сему!»
Царь говорил. Толпа невдалеке
Томилась жаждой боевого гнева.
Но вышла дева с яблоком в руке,
И, с яблоком в руке, сказала дева:
— И злой силач коня пускает вскачь*

*И побеждает с грубостью постыдной.
Что из того? Он — только злой силач,
Душе моей не милый и постылый. —
Так говорила, яблоко держа.
Недоуменье воины терпели:
— К чему твоя склоняется душа,
О, Парваны прелестнейшая пери^[168]?
Всяк вопрошал:
— Чего же хочешь ты?
В какой звезде небес твоя услада?
В камнях непомерной красоты?
Иль в тяжких звёздах серебра и злата?
— Что серебро, что золото для меня?
Все звёзды гаснут! Всё — тщета, всё — бrenно.
Хочу неугасимого огня! —
Таинственно ответила царица.
Только сказала — один за другим
Ринулись храбрые юноши в путь,
Вдаль, за священным огнём дорогим,
Что не затмить, не забыть, не задуть.
Пыль, что взвилась под копытом коня,
В прах обратилась. И годы прошли.
Где ж смельчаки, что искали огня?
Их не видать ни вблизи, ни вдали.*

3

*— Отец, отец, скажи мне, почему
Те юноши, томимые любовью,
С огнём, оберегаемым ладонью,
Не возвратились к дому моему?
Ужель забыли и умчались прочь?*

Где ныне их судьба в седле качает? —
И горестно отец ей отвечает,
И горестно ему внимает дочь:
— Путь храбрецов лежит сквозь кровь и тьму.
Дракон их настигает семиглавый.
И все-таки, овеянные славой,
Они вернутся к дому твоему. —
Проходит год, и спрашивает дочь:
— Отец, отец, где мой летящий всадник,
Что в сновиденьях, медленных и сладких,
Летит ко мне, когда настанет ночь? —
И говорит отец:
— Дитя, дитя!
Легко ль добыть огонь неугасимый?
Кто знает? Вдруг его добытчик сильный
В огне сгорает, до огня дойдя? —
Вновь год прошел. На замок пала тень.
Томится дева в горе и тревоге.
Ни на горе, ни на пустой дороге
Нет всадника. Так угасает день.
— Отец, отец, на свете нет огня!
Ни искорки! Нисколечко! Нимало!
И сердце мое скорбное увяло!
Весь белый свет — лишь темнота одна! —
Тяжки царю дочерние слова.
Седым-седой, поверженный и старый,
Что может он? К его груди усталой
Усталая клонится голова.

Но и тогда летели годы.
Царевна видела в окно
Пустые небеса и горы.
Что было светом — мрак унёс.
Навзрыд заплакала царевна.
Всё минуло. Но бедных слёз
Простая влага уцелела
И стала озером. Оно
Всех приняло в свои глубины.
Ушли на сказочное дно
Минувших дней живые были.
Поныне в озере видны
Сады и замок под водою.
Во славу прежней Парваны
Оно зовется Парваною...
Вы видели, как бодрствует в ночи
Рой мотыльков, печальных и отважных.
Во имя тайн, неведомых, но важных,
Их привлекает слабый свет свечи.
Что им за польза в гибельном огне?
Неужто этой ночью заповедной
Полётом их продолжен подвиг бедный
Тех юношей, что жили в Парване?
Те, храбрые, седлавшие коней,
Блиставшие своей одеждой бранной, —
Лишь мотыльки, что ищут казни странной
И как о благе думают о ней.
Так и горят все те, кто был людьми,
Пока их ждёт прекрасная царевна,
Не ведая: смертельно иль целебно

Опасное свечение любви.

1902

Перевела **Белла Ахмадулина**